

яснили Зине, есть гранитный столб, точные координаты которого не подлежат сомнению. Каждый астроном-геодезист, прежде чем начать самостоятельную работу, обязан съездить туда, определить координаты этой точки, сравнить полученный результат с известным числом. Расхождение составит так называемую «личную разность». Эту величину геодезист потом будет всегда вводить в свои расчеты, как постоянную поправку. И у ее Володи есть «личная разность» тоже...

...Коротки летние ночи. Четыре часа пролетели, как один миг. Довольный возвращался в лагерь лейтенант Борисов. Его тетрадь была заполнена почти целиком.

— Еще три такие ночи, и сменим дислокацию. Ты поедешь с нами?

— С кем же мне ехать?— удивилась Зина.— Мы с тобой теперь на всю жизнь на одной параллели...

Пройдет время, и на географических картах этого района появятся новые цифры. А в нижнем правом углу будет строчка: «уточнено в... году». Пусть там не укажут фамилии Борисова, его штатных и добровольных помощников—для них это не так уж важно: ведь они трудятся не ради славы, а ради того, чтобы мы, развернув карту, не нашли в ней разницы между напечатанным и действительностью...

В. СТУЛОВСКИЙ

ВСЕГО ЛЕГЧЕ И ЛУЧШЕ

Максим Горький когда-то писал: «Мне кажется, что литература всего легче и лучше знакомит народ с народом» и мечтал о могучей многонациональной литературе Советского Союза, о широком распространении взаимных переводов. Сам он еще до революции выступил одним из переводчиков белорусской литературы, первым познакомил русских читателей со стихотворением Янки Купалы «А хто там ідзе...»

Белорусская поэзия переводилась в дореволюционные годы на русский, украинский, польский и чешский языки. Произведения нескольких белорусских авторов в переводе на русский язык впервые появились в печати в 1909 году. В «Альманахе-календаре для всех на 1910 год» (СПБ, «Разум», 1909) были опубликованы рассказы Пщелки и стихи Я. Купалы («3 песняй беларускага мужыка» и «3 песняў мужыцкіх»). Пере-

воды эти, скромно подписанные криптонимом «С. А.», не отличались совершенством, но положили начало животворным связям между двумя литературами.

Чаще всего русские писатели обращались к поэзии Янки Купалы. Его стихи переводили Максим Горький, Валерий Брюсов, Апполон Коринфский и другие. В 1911 году А. Погодин перевел одно стихотворение Я. Лучины, два стихотворения Я. Коласа и одно—М. Богдановича.

Пытался популяризировать белорусскую литературу среди русских читателей и Максим Богданович, но, к сожалению, его переводы были опубликованы только после Великой Октябрьской революции (стихи Я. Купалы «Жніво» и «Для зямлі маіх прадзедаў»), а частью совсем не сохранились. Сборник стихов «Белорусские поэты. Перевод М. Богдановича», в который вошли произведения Я.

Лучины, Я. Купалы, Я. Коласа и других, хранился с 1923 года в рукописных фондах Института белорусской культуры, а затем—в фондах Академии наук БССР, но во время войны рукопись погибла вместе со всем архивом Максима Богдановича. В 1912 году поэт подготовил сборник белорусских рассказов Ф. Богушевича, Я. Коласа, З. Бядули, С. Полуяна, Я. Журбы и других авторов. Сборник был составлен для издания на русском языке на Украине, все переводы и предисловие были написаны самим составителем. Но издан этот сборник также не был, рукопись его, видимо, так и осталась где-то на Украине.

В 1909 году впервые были опубликованы в переводе на украинский язык стихи Я. Купалы, Я. Коласа и М. Богдановича. Перевел их Микола Шаповал.

На польском языке стихи Янки Купалы «3 песняў аб сваёй старонцы» и «А хто там ідзе...» в переводе М. В-с были впервые помещены в сборнике «Sitva i Rus». В 1913 году польский журнал «Весь илюстравана» опубликовал перевод Ю. Вяжинского «Слуцкіх ткачых» М. Богдановича.

Переводили дореволюционную белорусскую литературу и на чешский язык. В 1911 году пражский журнал «Словянский пшегляд» поместил стихи Я. Купалы и Я. Коласа в переводе чешского литературоведа и поэта Адольфа Черного.

Но все это были отдельные публикации в журналах и газетах. Мечта Горького о развитии национальных литератур и их взаимосвязей сбылась только после победы Великой Октябрьской революции.

Уже в 1919 году Белорусский подотдел Отдела просвещения национальных меньшинств Народного комиссариата просвещения издал в Москве пер-

вую книгу стихов Я. Купалы на русском языке. В ней были помещены переводы В. Брюсова, А. Коринфского, Е. Нечаева, И. Белоусова. Н. Ашукина, А. Чумаченко, И. Устинова и Н. Янчука. Составитель этого сборника и один из переводчиков Иван Белоусов снабдил книгу предисловием, в котором опубликовал текст первой автобиографии Янки Купалы.

Сейчас белорусская литература широко известна за пределами республики. Так, например, книга стихов П. Бровки «А дні ідуць» издавалась в переводе на русский (1961, 1962 и 1963), азербайджанский (1964), киргизский (1966), таджикский (1965) и эстонский (1964) языки. Роман И. Мележа «Людзі на балоце» вышел отдельными изданиями на русском (в 1962, 1963, 1964 и 1967 гг.), украинском (1963), латышском (1966), эстонском (1964), молдавском (1966) и финском языках. Повесть В. Быкова «Трэцяя ракета» издавалась на русском (в 1962 и 1963 гг.), украинском (1964), латышском (1966), эстонском (1963), литовском (1964), молдавском (1964), узбекском (1966), польском (1963) и

испанском языках. Переведен роман Ивана Шамякина «Сэрца на далоні» — на русский (два издания в 1964, три издания в 1965, одно — в 1966 годах), украинский (1964), латышский (1967), литовский (1966) и узбекский язык (1964).

Произведения Якуба Коласа издавались на 21 языке, Янки Брыля — на 21, Янки Купалы — на 20, Василя Быкова — на 18, Ивана Шамякина — на 17, Ивана Мележа — на 10, Максима Танка — на 9 языках. Неоднократно выходили в издательствах братских республик и за рубежом книги многих других белорусских авторов. Не так давно на Украине выпущена антология молодой белорусской поэзии. «Антология белорусской литературы» (1957) вышла на армянском языке. Сборники и антологии белорусской поэзии были изданы также на грузинском, латышском, литовском, молдавском, таджикском, татарском, чешском и других языках. Антологии и сборники белорусских рассказов и новелл опубликованы на грузинском, латышском, литовском, молдавском, таджикском, украинском, чувашском и болгарском языках. Сборники произ-

ведений белорусских сатириков издавались на русском, украинском и эстонском языках.

Среди переводчиков белорусской литературы много известных писателей — М. Горький, В. Брюсов, М. Исаковский, А. Прокофьев, А. Твардовский, Ю. Ванаг, П. Тычина, М. Нагнибеда и другие.

Все больше интересуется литературой нашей республики передовая общественность за рубежом. Книги белорусских писателей издавались на албанском, английском, бенгальском, болгарском, венгерском, испанском, корейском, китайском, монгольском, немецком, польском, румынском, словацком, турецком, финском, французском, хинди и чешском языках. С каждым годом их число увеличивается. Кроме того, большое количество переводов публикуется как в многоязычной периодической печати СССР, так и в зарубежной.

Сбылась давняя мечта Янки Купалы о том, чтобы Белоруссия заняла «свой пачэсны пасад між народамі».

Н. ВАТАЦИ

ЗДЕСЬ ЖИЛ ФРУНЗЕ

ЭТОТ дом привлекает внимание каждого, кто впервые проходит по Комсомольской улице Ивенца. Архитектурно он, пожалуй, ничем не отличается от соседних. Но зато всем бросаются в глаза резные фигуры, подпирающие фронтон дома. Это богатыри в кольчугах, на лицах их лежит печать воинственной строгости. Каждый богатырь держит в руке длинную острую пику...

Как попали сюда эти могучие фигуры, застывшие в торжественной неподвижности?

Хозяин дома — Апполинарий Фролович Пупко, бывший бухгалтер Ивенцкого районного отдела народного образования, а ныне пенсионер, гостеприимно раскрывает двери для всех, кто пожелает к нему зайти.

Все свободное время отдает Апполинарий Фролович любимому искусству — резьбе по дереву, живописи и лепке. Фигуры эти сделаны в юности, а теперь ему 77 лет. Когда же хозяину было 23 года, в его доме произошло незабываемое событие...

— Шла первая мировая война, — рассказывает Апполинарий Фролович. — Недалеко от Ивенца, в Налибокской пуще, проходила линия фронта. Однажды около нашего дома остановился незнакомый человек в военной форме и заинтересовался скульптурами моих богатырей. Потом вошел в дом, поздоровался, назвал себя Михайловым. Кто-то из домашних пригласил его сесть. Незнакомец поблагодарил и, извинившись, начал рассматривать декоративную роспись на стене